

Тропикальность и фронтир: образ джунглей Латинской Америки в североамериканской pulp-литературе в межвоенный период

Tropicality and the Frontier: The Image of the Latin American Jungle in North American Pulp Fiction during the Interwar Period

Лапаев Никита Юрьевич,

Государственный академический университет гуманитарных наук,

Lapaev Nikita,

The State Academic University for the Humanities,

Faculty of History;

E-mail: nikosyorito@gmail.com;

ORCID: 0009-0004-7319-6347

Аннотация: Статья посвящена анализу репрезентации джунглей Латинской Америки в американской pulp-литературе 1920–1930-х годов. В центре внимания — формирование устойчивого образа тропического леса как морально маркированного пространства в рамках дискурса тропикальности. На материале произведений Хайатта Веррилла, Артура Фрила, Роя Нортон и других авторов pulp-журналов (*Adventure*, *Weird Tales*, *Amazing Stories*) выявляются устойчивые тропы: джунгли как пространство фронта, природной избыточности и опасности, разрыва с цивилизацией. Показано, что в изученных журналах джунгли служат

не просто фоном для повествования, но и «зоной контакта», где современный субъект сталкивается с экзотической природой и архаикой, а также важной частью формулы произведения, своеобразным антагонистом, столкновение с которым формирует представления о свободе, мужестве, силе и цивилизации. Таким образом, массовая литература участвовала в производстве и популяризации тропического взгляда на Латинскую Америку в американском массовом сознании.

Ключевые слова: джунгли, тропичность, воображаемая география, pulp-литература, американская массовая культура, фронтир, приключенческая литература, Латинская Америка, имагология

Abstract: This article analyzes the representation of Latin American jungles in American pulp fiction of the 1920s and 1930s. It focuses on the formation of a persistent image of the tropical forest as a morally marked space within the discourse of tropicality. Drawing on the works of Hyatt Verrill, Arthur Friel, Roy Norton, and other pulp writers (in *Adventure*, *Weird Tales* and *Amazing Stories* magazines), persistent tropes emerge: the jungle as a space of frontier, natural excess and danger, and a break with civilization. It is shown that in the magazines studied, the jungle serves not simply as a backdrop to the narrative but as a "contact zone" where the modern subject encounters exotic nature and archaism, also as a crucial part of the literary formula, a kind of antagonist encounter with which shapes ideas of freedom, fortitude, strength, and civilization. Thus, popular literature contributed to the production and popularization of a tropical view of Latin America in the American popular consciousness.

Key-words: jungle, tropicality, imaginative geography, pulp fiction, American popular culture, frontier, adventure fiction, Latin America, imagology

DOI: 10.32608/2305-8773-2026-50-1-97-117

Дата принятия к публикации: 30.06.2026

Дата получения: 10.04.2026

Ссылка для цитирования / Cite:

Лапаев Н.Ю. Тропикальность и фронтир: образ джунглей Латинской Америки в североамериканской pulp-литературе в межвоенный период // Латиноамериканский исторический альманах. 2026. № 50. С. 97-117. DOI: 10.32608/2305-8773-2026-50-1-97-117

Lapaev N. Tropicality and the Frontier: The Image of the Latin American Jungle in North American Pulp Fiction during the Inter-war Period // Latin American Historical Almanakh, 2026. № 50. P. 97-117. DOI: 10.32608/2305-8773-2026-50-1-97-117

Конец XIX — первая четверть XX в. сопровождались активным расширением политического и экономического присутствия Соединённых Штатов в странах Карибского бассейна и Центральной Америки. Американская модель империализма отличалась от европейской. Там, где европейцы стремились к прямым аннексиям, американцы проникали путём рынка, инвестиций, политического влияния, поддержки или навязывания либерально-демократической системы в сочетании с силовыми способами защиты своих интересов¹. Ярким символом растущего влияния Соединённых Штатов в регионе стало возведение Панамского канала, который обозначал не только геополитическое доминирование, но и успехи американской науки, медицины и инженерии, самого образа жизни американцев даже во враждебном окружении². В свою очередь, рост реального влияния сопровождался активным культурным производством американского дискурса о Латинской Америке, выраженном в публицистике, журнальных статьях, научных исследованиях, художественной литературе. Предметом описания становились не только южные соседи США, но и их природа, формировался и устойчивый культурный образ тропического пространства. Тропики в американском воображении представляли не просто

¹ Согрин, 2013. С. 70 – 73.

² Frenkel, 2002. P. 96

географической зоной. Дискурсы экологического детерминизма, санитарии, эпидемиологии и расового мышления закрепляли представление о регионе как о пространстве, способном ослаблять, развращать и трансформировать европейца.

Наиболее концентрированным выражением этих представлений стали джунгли — образ которых в массовой культуре 1920–1930-х годов приобрёл самостоятельную символическую нагрузку. Джунгли были самой непокорной частью тропиков, которая активнее всех сопротивлялась цивилизаторской миссии американцев³. Настоящая статья рассматривает репрезентацию джунглей в американской популярной литературе межвоенного периода, показывая, каким образом тропический лес превращается в вызов модерности.

Представления о тропиках в западной культуре начала XX века формировались в рамках устойчивого дискурса, который можно обозначить как «тропикальность» (tropicality). Речь идёт о совокупности представлений, противопоставлявших тропическое пространство умеренному северному миру — как климатически, так и культурно⁴. В целом, западную тропикальность можно считать частью того, что Эдвард Саид называл «воображаемой географией»⁵ (imaginative geography). Сам термин был введён индологом Д. Арнольдом в работах 1990-х годов⁶. Следует отметить, что в отличие от концепций Саида, подобный взгляд получил меньшее освещение в зарубежной и отечественной историографии, хотя постепенно растёт количество работ, посвящённых данному вопросу. Тропики мыслились одновременно как изобильный Эдем и как зона болезней, разложения и политической нестабильности, лени, бедности, отсталости и примитивности⁷. Как отмечает Френкель, исходя из распространённого «экологического детерминизма» постулировалась крепкая связь между географическими и климатически-

³ Frenkel, 1996. P. 326.

⁴ Driver, Martins, 2005. P. 2.

⁵ Подробнее см.: Саид, 2021. С. 90 – 121.

⁶ К примеру, Arnold, 1996.

⁷ Arnold, 2000. P.7.; Frenkel, 2002 P. 318.

ми условиями и образом жизни, экономикой, политикой, культурой и психологией народов⁸.

Западная историография (в первую очередь работы Стивена Френкеля и Келли Энрайт) обращалась к данной теме, даже применительно к популярной культуре и литературе (особенно большое внимание исследователи уделяют колониальным романам, а также циклу романов Э. Берроуза «Тарзан»), но без исследования pulp-журналов. В отечественной историографии вопрос американского империализма в регионе Латинской Америки, в частности, также был разработан в ряде фундаментальных работ⁹ однако тема тропикальности и такого рода колониальная и империалистическая имагология в них не получила должного освещения.

Все элементы образа тропиков имели под собой объективную основу. К концу XIX в. получила развитие тропическая медицина (к примеру, открытие в результате исследований П. Мансона, что именно москит является переносчиком малярии), однако, её успехи были переменными. Однако, дискурс тропикальности выходил за рамки акцента на реальных опасностях тропического климата. Экологический детерминизм объяснял и рационализировал пространство, подкрепляя существующие стереотипы американцев насчёт Латинской Америки и народов, её населяющих. В этом смысле продуктивно говорить о «моральной географии» тропиков, о пространстве, которому приписываются определённые нравственные качества и которое, в свою очередь, воздействует на субъект. Джунгли в американской массовой литературе 1920–1930-х годов выступают именно как такая конструируемая территория: они не просто окружение, а среда, способная трансформировать человека, обнажить его «первобытную» сущность или уничтожить его физически и психологически. Представление о джунглях по выражению Келли Энрайт, представляло из себя «динамичную смесь вымысла и реальности»¹⁰. Обращение к понятию «кон-

⁸ Frenkel, 1992. P. 144.

⁹ Зубок, 1969; Лан, 1975; Согрин, 2016.

¹⁰ Enright, 2012. P.11.

тактной зоны»¹¹ Мэри Луиз Пратт, позволяет рассматривать джунгли как пространство встречи и конфликта — не только между культурами, но и между современным субъектом и природой, осмысленной как чуждая и враждебная сила. Это столкновение способствует самоидентификации современного субъекта.

Источниковую базу статьи составляют произведения американской pulp-литературы 1920–30-х годов, опубликованные в журналах приключенческой и фантастической направленности (*Adventure*, *Weird Tales*, *Amazing Stories* и др.). Pulp-журналы представляли собой дешёвый и массовый тип периодической литературы, преимущественно содержащим художественную литературу, хотя также и публицистические статьи, публикацию писем читателей, а также множество рекламы. Многие из них были иллюстрированы, однако в данном исследовании мы рассматриваем тексты, тогда как визуальный материал достоин отдельного исследования. Само название *pulp magazines* происходит от наименования типа грубой бумаги худшего качества. Рассматриваемые нами журналы в межвоенный период были одними из самых массовых. К примеру, в конце 1920-х гг. журнал *Adventure* выпускался тиражом 150 000 экземпляров, а *Weird Tales*, по некоторым данным, имел тираж 100 тысяч экземпляров. Примерно такими же тиражами обладал и *Amazing Stories*. Определение аудитории pulp-журналов представляет собой непростую задачу. Распространённой точкой зрения является то, что её составляли в основном представители низших классов (рабочие, служащие) и это подтверждается социологическими исследованиями тех лет. Так, опросы в Чикаго выявили, что среди аудитории pulp-журналов больше половины имели только школьное образование¹². Однако, качественные исследования читательских писем некоторых журналов показывают, что читателями могли становиться люди более взрослые и образованные или даже утончённо интеллектуальные¹³. На наш взгляд, уместно согласиться с исследовательницей массо-

¹¹ Pratt, 1992. Pp. 7-8.

¹² Цит. по: Smith, 2000. P. 205.

¹³ Yan, 2024. P. 120.

вой литературы и книг «в мягкой обложке» Паулой Рабиновиц, что подобная массовая литература создавала единое культурное пространство, поле между различными фрагментами американского общества, разделённой расовыми, гендерными и классовыми границами¹⁴.

При этом, следует отметить, что pulp-литература феномен, исследованный крайне фрагментарно. По отдельным авторам (в первую очередь Г.Ф. Лавкрафту), существует значительный пласт исследований. С другой стороны, творчество других авторов практически не введено в научный оборот. Это связано и с тем, что полноценная интеграция pulp-журналов как предмета исследований произошла относительно недавно, в конце XX в., а также с тем, что опубликованные произведения исчисляются тысячами. Как следствие, в данной статье мы пошли по пути сужения как географических рамок, так и использовали выборку авторов, которая обусловлена, в первую очередь, двумя факторами. А. О. Фрилл, Х. Верилл, Р. Говард, К.Э. Смит являются достаточно «классическими» для pulp-литературы авторами, которые регулярно публиковались, их влияние сохраняется в поле популярной культуры, они продолжают переиздаваться, а в случае Р. Говарда их творчество вышло далеко за пределы литературы в сферу кино, популярной музыки, комиксов и компьютерных игр. Однако, к ним мы посчитали нужным добавить несколько рассказов авторов менее известных для создания более репрезентативной выборки. В свою очередь, следует отметить, что данное исследование нельзя назвать исчерпывающим, оно лишь демонстрирует определённые дискурсивные тенденции, определение их тотальности требует более массового анализа.

В качестве хронологических рамок мы опираемся на межвоенный период (для США это 1919–1941 гг.) по нескольким причинам. Во-первых, он связан с расцветом самого феномена pulp-журналов. Уже к концу 1930-х гг. у них появились серьёзные конкуренты в виде комиксов, а в ходе Второй мировой войны подорожание бумаги привело к росту их стоимости, тем

¹⁴ Rabinovitz, 2014. P. 28-30.

самым лишая статуса дешёвой прессы. В этот же период в pulp-литературе складывались популярные жанры (научная фантастика, детектив, фэнтези, «странная фантастика» и т.д.), которые в послевоенный период прошли путь легитимации и стали одной из важнейших частей американской индустрии культуры, которая, в силу глобализации, продолжает оказывать огромное влияние на популярную культуру всего человечества. В фокусе анализа находятся тексты, действие которых разворачивается в Центральной и Южной Америке и где джунгли выступают ключевым пространственным элементом повествования. Среди авторов — Хайатт Верилл, Артур О. Фрил, Рой Нортон и ряд других писателей, которые также обращались к латиноамериканской тематике. Можно отметить, что эти журналы были одними из самых популярных среди pulp-журналов, дешёвых и ориентированных на досуг широких масс. Однако между ними были некоторые различия жанрового характера — Adventure специализировался на приключенческой литературе, Weird Tales на фэнтези, мистике и ужасах, Amazing Stories был первым полноценным научно-фантастическим журналом.

Методологически статья опирается на элементы тропологического анализа и формульного подхода к массовой литературе. Под тропом в данном случае понимается устойчивый элемент образа, который воспроизводится в разных текстах и формирует устойчивую структуру репрезентации¹⁵. Формульный анализ с опорой на Джона Кавелти, позволяет рассматривать эти повторяющиеся элементы как часть жанровой модели приключенческого повествования¹⁶.

Следует отметить, что образ джунглей формировался не только в рамках pulp-литературы, но и в рамках более широкого интертекстуального пространства, включавшего в себя путевые заметки, журналистские статьи, научно-популярные тексты и так далее. В качестве такого переходного звена между популярной публицистикой и pulp-литературой представляется показательным творчество двух авторов — Хайатта Веррилла и

¹⁵ Leerssen, 2007. P. 27.

¹⁶ Подробнее см.: Кавелти, 1996.

Артура Фрила, чья деятельность не ограничивалась «журнальным гетто». В отличие от многих pulp-авторов они лично были знакомы с природой и жизнью региона, о котором писали, что накладывало, на наш взгляд, определённый отпечаток на их презентацию джунглей.

Журналист и натуралист Веррил (1871-1954) в своей книге «Панама раньше и сегодня»¹⁷, основанной на опыте его путешествий, суммировал «типичные» взгляды на Панаму: «это земля негров и лихорадки»¹⁸, которые он в дальнейшем пытался оспорить. В публицистике Веррила Панама предстаёт не как исключительно враждебная территория болезни, нищеты и инаковости, а как внутренне неоднородное пространство с прагматическим (в первую очередь экономическим) потенциалом. Не пытаясь избегать темы распространённых страхов (змеи, лихорадки, паразиты), Веррил тем не менее сохраняет представление о Панаме как о стране различной, неоднородной, а настоящие джунгли панамского региона Дариен описывает как дикий, практически неизвестный цивилизованным людям регион. Именно этот умеренный оптимизм, тем не менее оставляющий пространство для тайны, опасности и приключений, он воплотил и в своей фантастической прозе.

Действие большей части фантастических рассказов Веррила происходит в Центральной Америке (к примеру, «Король людей обезьян»¹⁹ (The King of the Monkey Men), «Мост света»²⁰ (The Bridge of Light) на Юкатане, «Сквозь край кратера»²¹ (Through the Crater's Rim) в Панаме). В них он во многом использует набор определённых, характерных для жанра формульных элементов (затерянные цивилизации, таинственные руины, хищные растения как воплощение угрозы тропического леса). Переход в пространство джунглей представляется как разрыв с цивилизацией и выход к «непознанному», «сокрыто-

¹⁷ Verill, 1921.

¹⁸ Ibid P. 2-3.

¹⁹ Verill, 1928.

²⁰ Verill, 1929.

²¹ Verill, 1926.

му», потенциально опасному. В то же время отображение Веррила весьма натуралистично в отношении самих джунглей, он избегает гротеска и подчёркнутой экзотичности. Это творчество натуралиста, в котором фантастические элементы как бы надстраиваются на переработку его прозаического опыта посещения тропического леса.

Другой автор, чьё творчество во многом посвящено джунглям, был Артур Фрил (1885-1959), который также долгое время был журналистом Associated Press в Южной Америке. Местом действия его произведений чаще всего становились Венесуэла, Бразилия, лесная часть Перу, Эквадора. Больше всего Фрил публиковался в журнале *Adventure*, который специализировался на приключенческой литературе. Сам Фрил подчёркивал, что перерабатывает свой опыт путешествий по тропикам в художественной манере²², где в отличие от журналистских статей и путевых заметок ему доступна большая свобода творчества, возможность заострить свой личный опыт.

В своих художественных произведениях Фрил описывал джунгли как пространство фронта, с характерными для него чертами: отсутствие власти и закона, индивидуальная свобода, сильные личности, отрыв от цивилизации, к которым также добавлялся акцент на превосходстве природы над человеком. Эта территория требует от него мужества, сноровки, силы воли. Джунгли населены опасными животными, скрывают в себе племена индейцев-каннибалов, но также и легендарное золото, за которым охотились ещё конкистадоры²³. Сам Фрил в интервью так характеризовал регион: «В тропиках тебе постоянно что-то угрожает – насекомые, ужасная жара, лихорадка – что-то обязательно тебя настигнет»²⁴.

Джунгли и тропическая глушь в творчестве Фрила как бы обнажают человеческую натуру, стирают слой цивилизации. Антагонисты, такие как Чёрный ястреб, создавший собственную армию из индейских племён, чтобы грабить и убивать бе-

²² Brooklyn Eagle. New-York. 8 March 1925. P. 93.

²³ Friel, 1922, b.; Friel, 1922, c; Friel, 1922, d; Friel, 1922, e.

²⁴ Brooklyn Eagle. New-York. 8 March 1925. P. 93.

лых²⁵ или банда разбойников, по прозвищу пикари, которые грабили каучуковые плантации в Бразилии²⁶, пользуются этой свободой для личного обогащения, обретения власти. Но тропический фронтير раскрывает и лучшие стороны человека – благородство, солидарность, истинную дружбу. Это пространство свободы ценностно противопоставляется современной цивилизации и городу, что хорошо подчёркивает Фрил репликой одного из своих персонажей, американца Тома Мака: «Я здесь, потому что мне не нравятся накрахмаленные воротники, метро, тупые офисные тираны и всё остальное, что приходится терпеть городским рабам. Они все рабы! Рабы своих боссов, рабы бизнеса, рабы политиков-популистов, рабы эгоистичных жён!»²⁷. Подобную же реплику в повести «Тигровая река» высказывает и преступный авантюрист, перуанец Хосе Мартинес: «Я, Хосе Мартинес, из конкистадоров. Во мне течёт кровь человека, который осмелился пересечь моря, Анды, вторгнуться в джунгли и сделал эту землю территорией Испании («...») Сильная рука, холодная сталь, огонь и кровь моих отцов завоевали всю эти огромные земли. А кто их потомки сейчас? Жёлтые псы! Собаки, который визжат от того, что среди них есть некто подобный дикому зверю, человек, который сохранил силу предков. Псы, который прячутся за полицией, псы, которые сражаются лишь хитростью, предательством и законом»²⁸. Фрил добавляет, что Мартинес «родился слишком поздно, чтобы жить в Перу, но здесь, в джунглях Эквадора, где всё ещё царили быстрая рука и сталь, он был как дома»²⁹. Так, джунгли вновь описаны Фрилом как местом архаической, мужественной, варварской свободы, в то же время, как бы застывшее в вечности, способное пережить всё созданное людьми, дурное или хорошее³⁰.

Ниже мы рассмотрим рассказы нескольких других авторов

²⁵ Friel, 1922, a. P. 3.

²⁶ Friel, 1920.

²⁷ Friel, 1922. a. P. 7.

²⁸ Friel, 1922. b. P. 61.

²⁹ Ibid. P. 62.

³⁰ Friel, 1920. P. 145.

pulp-литературы. Их обращение к теме тропиков Южной и Центральной Америки чаще всего было случайным и непостоянным, а их биография меньше была связана с регионом, хотя подчас о ней не хватает достаточной информации. В их произведениях практически нет какой-то региональной дифференциации. Их творчество было насыщено схожими тропами – джунгли как вызов, как пространство мужской инициации, как своеобразный фоновый персонаж или даже антагонист. Так, в рассказе «Дух джунглей (The Geist of the Jungle)» главный герой, американский турист, попав в джунгли Юкатана, оказывается в «контактной зоне», где с него «спадают вуаль цивилизации»³¹. Весь рассказ главного героя не отпускает чувство нервозности и сопротивления со стороны леса. Другой персонаж, археолог Дункан характеризует лес как «живое существо», с которым древним майя приходилось вести битву веками и ради помощи, в которой со стороны богов они приносили кровавые человеческие жертвы³². Из этой борьбы джунгли вышли победителями, поскольку поглотили всё, что создавала человеческая цивилизация. Они превращаются в сосредоточение вечной архаики, где потомки майя якобы продолжают приносить человеческие жертвы.

Метафора борьбы встречается в нескольких рассказах³³, природа тропиков бросает вызов и требует преодоления и укрощения. Американские персонажи пробираются через леса только вооружёнными – мачете против зелени и пистолет против змей, ягуаров, индейцев. Джунгли также конструируются как непокорённое пространство, которое сопротивляется попыткам человека освоить, картировать, являются «пожирателями» как проложенных путешественниками троп³⁴, так и мону-ментальных дорог древних майя³⁵. Авторы не раз прибегают к

³¹ Winterbotham, 1939. P. 97.

³² Ibid.

³³ Norton, 1919, a. P.19

³⁴ Norton, 1919, b. P.103.

³⁵ Pratt, 1930 P. 159.

метафорам «оживания», «пробуждения» лесов³⁶. В повести «Глифы» (The Glyphs) рассказчик описывает, что джунгли казались ему «огромной опутывающей змеей, готовой раздавить своими кольцами»³⁷. Таким образом, американские персонажи становятся агентами ещё одной цивилизации, которую джунгли испытывают на прочность, а тропические леса - препятствием, которое необходимо пересечь, преодолеть, поскольку оно отделяет главных героев от их целей – в случае Юкатана, чаще всего, от руин майя, их тайн и сокровищ.

Если творчество Фрила репрезентировало джунгли относительно натуралистично, а Веррил, при всех художественных допущениях, не прибегал к высмеиваемым им в публицистике клише, то для многих других pulp-авторов тех лет, наоборот, характерен упор на экзотизацию и гиперболу тропического изобилия и опасности. Вкупе со скупостью описания самих перемещений по джунглям, это создаёт весьма стереотипный образ, поскольку авторы, возможно, за счёт стереотипов стремились возместить недостаток собственного опыта. К примеру, один из персонажей рассказа «Пернатый змей» так характеризует флору джунглей: «Визжащие попугаи, болтливые обезьяны. Одних их достаточно, но ещё и клещи, блохи, муравьи, мошки и дьявольские орхидеи, которые смотрят прямо в душу»³⁸ (о «миллионах орхидей, скрывающих змей»³⁹ также пишет и Рой Нортон в «Глифах»). Рой Нортон репрезентирует джунгли как пространство, где «миазмы подобно савану смерти преграждали путь, где каждая змея могла нанести смертельный ядовитый удар «...» где каждый человек был врагом и где укол о любой шип мог превратить в извивающееся на земле, страдающее существо, которому только смерть может даровать долгожданное освобождение»⁴⁰. Эта постоянная угроза способна сломать не только физически, но и морально. Продолжая опи-

³⁶ Carrington, 1928. P. 30.

³⁷ Norton, 1919, a. P. 54.

³⁸ Carrington, 1928. P. 31.

³⁹ Norton, 1919, a. P. 19.

⁴⁰ Ibid. P. 3.

сывать путешествие по джунглям, писатель обозначает, что леса чуть было не свели с ума его героев, которым пришлось пройти через «изнуряющую жару, зловоние от гниения растительности, бесчисленные стаи насекомых, мелких ядовитых змей и благородных удавов «...» безумное щебетание обезьян, попугаев и миллионы других нервующих птиц», так что они превратились в «группу безумцев с впалыми глазами», измотанных, с помутившимся рассудком и готовых к смерти»⁴¹. Чтобы преодолеть джунгли, «покорить» их, главным героям необходимо отбросить свой опыт цивилизации, «забыть свои старые привычки и желания»⁴².

Сколь же смертоносны джунгли, столь могут быть и красивы. Авторы прибегают к описанию удивительной флоры и фауны, рассказывая о бабочках с крыльями похожими на драгоценные камни, цветастых попугаях, благоухании цветов. Джунгли предоставляют персонажам свои собственные экзотические развлечения, к примеру охоту. И даже когда речь заходит о красоте, авторы подчёркивают, что в ней было что-то безжалостное и зловещее⁴³. Чаше авторы pulp-литературы эксплуатировали именно негативную сторону двойственных тропиков, хотя им всё же присуща определённая романтика первооткрывательства, которая помещает джунгли в один ряд с высокими горами, арктическими полюсами и прочими опасными и труднодоступными уголками земного шара. Всё же, период конца XIX- нач. XX вв. был сопряжён с процессом картирования мира западно-европейской цивилизацией и для «непознанного» оставалось всё меньше пространства, и оно становилось всё хуже доступно⁴⁴.

Также, не слишком вдаваясь конкретно в этот аспект, отметим миграцию вышесказанных тропов в зарождающейся фэнтези-литературе. Как отмечал М. Сэлер, исследуя феномен «современных воображаемых миров», для фантастической литера-

⁴¹ Ibid. P. 19-20.

⁴² Ibid. P. 46.

⁴³ Carrington, 1928. P. 34.

⁴⁴ Лапаев, 2024. С. 67.

туры в эпоху модерна является характерным использование атрибутов реального мира⁴⁵, некоторого подражания реалистической литературе, в отличие от сказок и утопий прошлых веков. Начиная как элементы репрезентации реальных тропиков, стереотипы тропикальности, всё больше отрываясь от них и сохраняя лишь свои художественные функции становятся «материалом» для создания «воображаемых миров», при этом, продолжая закреплять общий дискурс тропикальности. Конечно, в данном случае речь идёт не только о тропиках Центральной и Южной Америк, но и об Африке, Индии, Юго-Восточной Азии, Филиппинах. В то же время мы полагаем, что, хотя образ был универсальным, ряд аспектов скорее всего мог быть заимствован из американских тропиков. К примеру, руины городов или храмов в глубине джунглей вполне могли базироваться на описаниях Юкатана и руин майя. По крайней мере, как мы показали выше, авторы, которые обращались к тематике майя, подчас использовали эту формульную структуру.

Приведём несколько примеров из фэнтези-литературы. В цикле Роберта Говарда о Конане-варваре джунгли выступают в качестве таких же регистров дикой, необузданной и опасной природы. В «Алых гвоздях»⁴⁶ (Red nails) в джунглях вокруг города Ксухотль живут кровожадные плотоядные чудовища, и вместе они являются естественной преградой, отделяющей Ксухотль от мира. В другом рассказе, «Королева Чёрного побережья»⁴⁷ (Queen of the Black Coast), Говард использует многие из вышеописанных тропов: безлюдные леса, скрывавшие руины древней цивилизации, ядовитые растения, огромные хищные рептилии. Другой постоянный автор журнала *Weird tales*, Кларк Эштон Смит, в своём рассказе «История Сатампры Зейроса» (The Tale of Satampira Zeiros) описывал джунгли, скрывавшие руины города Коммориом, как густой лес, поглотивший остатки древних дорог, непроходимый лабиринт ползучих растений и лиан, наполненный ароматами слишком огромных и

⁴⁵ Saler, 2012. P. 29.

⁴⁶ Howard, 1936, a.; Howard, 1936, b.

⁴⁷ Howard, 1934.

ярких цветов и гниющих растений. Всё это вызывало «благоговейный ужас» у главных героев рассказа и помутнение их рассудка.⁴⁸ Таким образом, авторы фэнтези обращались к джунглям как к «контактной зоне» с дикой и опасной природой, образу «поглотителя» цивилизаций, преграды, которую нужно было преодолеть героям для достижения целей (чаще всего, сокровищ) и заимствовали в первую очередь наиболее яркие черты этого образа.

Таким образом, в pulp-литературе межвоенного периода тропический лес предстаёт не просто географическим пространством, а особой «контактной зоной» между американскими персонажами и чуждым пространством. На наш взгляд, джунгли представляют из себя наиболее яркий пример тропичальности в pulp-литературе за счёт придания им определённой субъектности. Они «побеждают» майя, поглощая их города и дороги, и становятся новым вызовом для американского присутствия в регионе, выступают как древняя сила, устойчивая, превосходящая усилия цивилизаций. В рамках рассмотренных рассказов джунгли выполняют несколько функций: они изолируют героя, отделяют его от искомой цели, создают пространство беззакония, оправдывают насилие, вводят архаических противников в качестве простых и понятных антагонистов. В этой «контактной зоне» происходит столкновение модерности и природы, цивилизации и архаики, дисциплины и инстинкта, рациональности и безумия.

Даже в более натуралистических текстах Веррилла и Фрила сохраняется акцент на инаковости и возможности использования образа джунглей для создания фантастического или остро сюжетного произведения. В более гиперболизированных произведениях pulp-авторов джунгли превращаются в пространство опасности, где циркулируют клишированные тропы миазмов, хищных животных, ядовитых насекомых, враждебных диких племён и безумия, которые усиливают ощущение экзотики.

Эволюция этого образа в фэнтези-литературе показывает его устойчивость: джунгли продолжают функционировать как мар-

⁴⁸ Smith, 1931. P. 494.

кёр архаики и угрозы даже вне конкретного исторического контекста. Тем самым можно говорить о формировании в массовой культуре особой «воображаемой географии» тропического леса — пространства, которое одновременно притягивает и пугает, обещает свободу, единение с природой, скрывает сокровища и грозит смертью, трудностями и угрозами. Все эти стереотипы способствовали укреплению дискурса тропической отсталости и опасности, который, шире, оказывал влияние и на репрезентацию региона Латинской Америки в популярной культуре и его восприятие.

Также следует сказать, что в качестве возможного направления разработки данной темы (как мы выше отмечали, pulp-литература является слабо исследованным типом источников) может быть отслеживание динамики в pulp-литературе военного периода, особенно на фоне войны на Тихом океане, которая также проходила в условиях тропиков, а также выделение географических особенностей (сравнения образов джунглей Южной Америки, Филиппин или Африки в американской pulp-литературе). Другим сложным вопросом является рецепция и влияние конкретных произведений на американскую культуру. На данный момент, мы скорее можем говорить о том, как дискурс тропикальности был отражён в pulp-литературе, а не о том, как она сама на него влияла и формировала. Между pulp-авторами существовала определённая связь⁴⁹, однако восстановить её полностью на данный момент не представляется возможным. Основной проблемой является отсутствие биографий и отдельных академических исследований, посвящённых творчеству большинства даже относительно известных авторов. Если говорить о дальнейшей рецепции конкретно рассмотренных произведений, то наследие Р. Говарда и К. Э. Смита множество

⁴⁹ Возможное влияние творчества А.О. Фрила на Р. Говарда отмечает в предисловии исследователь американской pulp-литературы и писатель Д. Швейцер в своём предисловии к переизданию рассказов Фрила (Schweitzer, 2005. Р. 7 – 9), а К. Э. Смит и Р. Говард были частью одного эпистолярного писательского сообщества, заимствуя элементы произведений друг друга.

раз переиздавалось и адаптировалось для других форм массовой культуры (в частности, истории о Конане были адаптированы для комиксов издательствами Marvel и Black Horse), а творчество А. О. Фрила было переиздано в XXI в. При этом, в силу уже сформировавшейся традиции восприятия pulp-литературы, творчество Фрила приобрело скорее антикварный интерес, в отличие от ставшего культовым наследия «большой тройки» *Weird Tales* (куда входили Р. Говард, Г.Ф. Лавкрафт и К.Э. Смит). Творчество Веррила также несколько раз переиздавалось и писателя рассматривают как одного из классиков научной фантастики межвоенного периода, однако его публицистические и натуралистические произведения остаются в тени.

Библиография/References:

- Кавелти Дж.* Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение, № 22. 1996. С. 33 - 64. [Kavelty J. The Study of Literary Formulas // *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 22, 1996. S. 33 – 64].
- Зубок Л.И.* Экспансионистская политика США в начале XX век. М: Наука, 1969. [Zubok L.I. USA expansionist policy in the early 20th century M: Nauka, 1969].
- Лан В.И.* США: от Испано-американской до Первой мировой войны. М: Наука, 1975. [Lan V.I. USA: from Spanish-American war to First World War. M: Nauka, 1975].
- Саид Э.* Ориентализм. М: Музей современного искусства Гараж, 2021. [Said E. Orientalism. M: Muzej sovremennogo iskusstva Garazh, 2021].
- Лапаев Н.Ю.* Медный лик древней Америки: репрезентация мезоамериканских цивилизаций в американском pulp-журнале *Weird tales* в межвоенный период // Латиноамериканский исторический альманах. № 41, 2024. С. 56-78. [Lapaev N. Copper face of ancient America: representation of Mesoamerican civilizations in American pulp-magazine *Weird tales* in the interwar period // *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah*. № 41, 2024. S. 56-78].

- Sogrin V.V.* Рождение Американской империи: 1898-1918. Причины, цели, методы // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 61 – 84. [Sogrin V.V. Birth of the American Empire: 1898-1918. Reasons, Purposes, Methods // Novaya i novejshaya istoriya. 2013. №. 3. S. 61 – 84].
- Sogrin V.V.* США в XX-XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М: Весь мир, 2016. [Sogrin V.V. USA in the 20th-21st centuries. Liberalism. Democracy. Empire. M: Ves' mir, 2016].
- Arnold D.* «Illusory Riches»: Representations of the Tropical World, 1850-1950 // Singapore Journal of Tropical Geography, V. 21, №. 1, 2000, pp. 6-18.
- Arnold D.* The Problem of Nature: Environment, Culture and European expansion. Cambridge: Blackwell Publishers, 1996.
- Carrington W.* The Feathered Serpent // Weird Tales, V. 11, №. 1, 1928, 29-38.
- Driver F., Martins L.* Views and Visions of the Tropical World // Tropical Visions in Age of Empire, Chicago: The University of Chicago, 2005.
- Enright K.* The maximum of Wilderness: The Jungle in the American Imagination. Charlottesville: University of Virginia Press, 2012.
- Frenkel S.* Geographical representations of the «Other»: the landscape of the Panama Canal Zone // Journal of Historical Geography, V. 28, №. 1, 2002, pp. 85-99.
- Frenkel S.* Geography, Empire, and Environmental Determinism // Geographical Review, V. 82, №. 2, 1992, pp. 143–153.
- Frenkel S.* Jungle Stories: North American Representations of Tropical Panama. // Geographical Review, V. 86, №. 3, 1996, pp. 317–333.
- Friel A.O.* The Peccaries. // Adventure, V. 24, № 5, 1920, pp. 132 – 145, a.
- Friel A.O.* Tiger River. Part I. // Adventure, V. 35, № 5, 1922, pp. 53-78, b.
- Friel A.O.* Tiger River. Part II. // Adventure. V. 35, №. 6, 1922, pp. 94-122, c.
- Friel A.O.* Tiger River. Part III. // Adventure. V. 36, №1., 1922, pp. 94-112, d.

- Friel A.O.* Tiger River. Part IV. // *Adventure*, V. 36, №. 2, 1922, pp. 119-145, e.
- Friel A.O.* Tupahn – the Thunderstorm. // *Adventure*, V. 34, №. 4, 1922, pp. 3-48.
- Howard R.E.* Queen of the Black Coast // *Weird Tales*, V. 23, №. 5, 1934, pp. 530-550.
- Howard R. E.* Red nails. Part I. // *Weird tales*, V. 28, №. 1, 1936, pp. 16-36, a.
- Howard R. E.* Red nails. Part II. // *Weird tales*, V. 28, №. 2, 1936, pp. 205-221, b.
- Leerssen J.* Imagology: history and method // *Imagology: The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey.* Amsterdam and New York: Rodopi, 2007.
- Norton R.* The Glyphs // *Popular magazine*, V. 54, №. 1, 1919, pp. 1 – 57, a.
- Norton R.* The Secret city. Part I. // *The Popular Magazine*, V. 54, №.4, 1919. pp. 92 – 119, b.
- Pratt M.L.* Imperial eyes: Travel writing and Transculturation. London: Routledge, 1992.
- Pratt H.N.* The Curse of Ximu-tal // *Weird Tales*, V. 16, №. 2, 1930, pp. 156-162.
- Rabinovitz P.* American pulp: How paperbacks brought modernism main street. New-Jersey: Princeton university Press, 2014.
- Saler M.* As If: Modern Enchantment and the Literary PreHistory of Virtual Reality, New York: Oxford University Press, 2012.
- Schweitzer D.* Introduction // *Friel A.O.* Amazon Nights. Classic Adventure Tales from the Pulp. Rockville: Wildside Press, 2005. pp. 7 – 9.
- Smith E. A.* «How the Other Half Read»: Advertising, Working-Class Readers, and Pulp Magazines // *Book History*, 2000, V. 3, №. 1. pp. 204 – 230.
- Smith C.A.* The Tale of Satampra Zeiros // *Weird Tales* V. 18, №. 4., 1931, pp. 491-500.
- Verrill H.* Panama: Past and Present. N.Y.: Dodd, Mead and Company, 1921.
- Verrill H.A.* The King of the Monkey Men // *Amazing Stories Quarterly*, V. 1, №. 02, 1928, pp. 230-259.

Verrill H.A. The Bridge of Light // *Amazing Stories Quaterly*, V. 2, № 4, 1929. pp. 436-506.

Verill A.H. Through the Crater's Rim // *Amazing Stories*, V. 1, № 9, 1926, pp. 804-820.

Winterbotham R.R. The Geist of the Jungle // *Strange Stories*, V. 2, №.2, 1939, pp. 96-104.